

Время величия

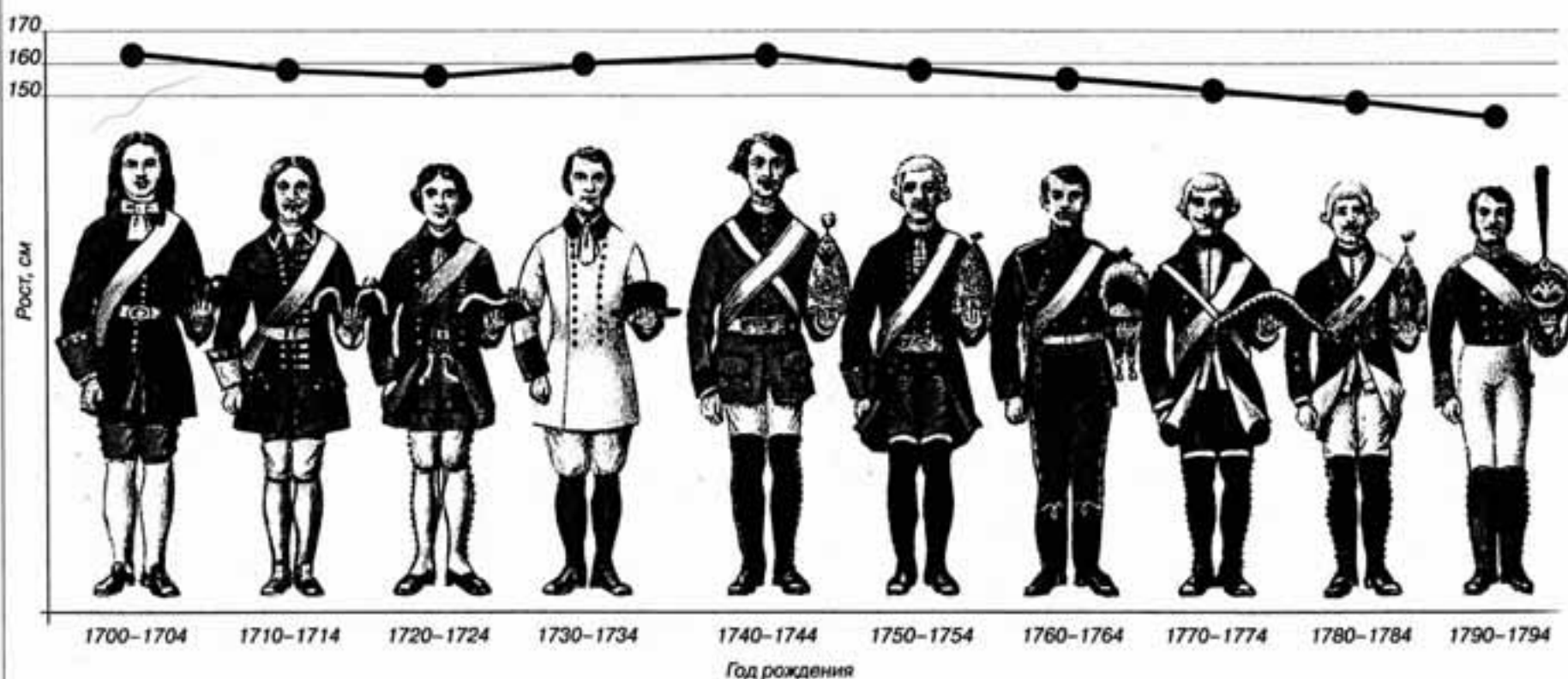
Военные победы и уровень жизни россиян в XVIII столетии

XVIII век — один из самых блистательных в российской истории. Громкие победы над Швецией и Турцией позволили России укрепиться на берегах Балтийского и Черного морей, присоединить Польшу, Прибалтику и Крым, обеспечили ранг великой державы. Россия установила тесные экономические и культурные контакты с Западом и быстро модернизировалась. Были созданы не только сильная регулярная армия и флот, но также и отечественная промышленность, развивались искусство, наука и просвещение, быстро увеличивались обороты внешней и внутренней торговли, наблюдался значительный экономический прогресс. Сопровождались ли победы и успехи модернизации ростом благосостояния населения или, наоборот, происходили за его счет — вот вопрос, на который автор дает ответ, опираясь на данные о росте рекрутов. Это первое в России исследование по антропометрической истории — в современном направлении историографии, открывающем новые горизонты.

Для России XVIII века состояние источников не позволяет оперировать такими традиционными показателями благосостояния, как доходы, потребление или реальная заработная плата. Поэтому в литературе до сих пор нет ясности относительно изменения благосостояния россиян в славное столетие. Для решения этого интересного и важного вопроса воспользуемся нетрадиционным показателем — элементарными сведениями о росте человека, хорошо известными каждому ребенку. Как установлено современной биологией, рост людей зависит от биологического статуса. В понятие «биологический статус» входят прежде всего питание, а также перенесенные болезни, интенсивность и продолжительность работы, медицинское обслуживание, жилищные условия, психологический комфорт (стресс съедает много калорий), климат, вода, воздух и другие факторы среды. Генетика имеет большое значение для роста отдельного человека, но генетические различия теряют свое значение, когда измеряется масса людей, оцениваются и сравниваются средние величины их роста, а не индивидуальные значения. То же и на уровне целых народов — различия в росте определяются не их этнической или расовой принадлежностью, а условиями существования. Если рост всех российских рекрутов, измеренных в 1745–1749 годы, был на 6 мм ниже, чем в 1740–1744 годы, то причина этого заключалась не в генетике, так как ге-

нофонд россиян за 5 лет не изменился, а в ухудшении условий существования.

Каков механизм зависимости роста от условий жизни? С биолого-экономической точки зрения человек до достижения полной физической зрелости превращает потребленные продукты в энергию, которая затем расходуется на различные нужды: на поддержание жизнедеятельности организма, работу, учебу, любовь, спорт, борьбу с инфекциями, болезнями и т. п. Чистый остаток энергии от питания преобразуется в рост и при его избытке — в вес. По достижении физической зрелости длина тела уже не изменяется: при понижении биологического статуса происходит снижение веса, а при повышении — его увеличение. Физическая зрелость у мужчин в аграрном, доиндустриальном обществе (с низким уровнем потребления) наступала к 25 годам, в развитом, индустриальном обществе, с высоким уровнем потребления — к 20 годам (у женщин несколько раньше, чем у мужчин). Потенции с точки зрения длины тела, заложенные в генах человека, полностью реализуются лишь при благоприятных условиях среды. И наоборот, при продолжительных и суровых лишениях происходит задержка роста, которая может, по крайней мере частично, компенсироваться более быстрым увеличением длины тела в другие, благоприятные периоды. Для роста человека особенно важны 1, 3, 4, 7–9, 12–14-й годы жизни, называемые критиче-

скими возрастами, когда он особенно чувствителен к действиям факторов, угнетающих и благоприятствующих росту.

Таким образом, рост 20-летнего мужчины зависит от биологических условий существования в течение 20 лет и 9 месяцев, начиная с утробного развития. В определяющей степени он зависит от чистой разницы между потребленной энергией от питания и израсходованной энергией на все потребности в течение предшествующей жизни. Другими словами, *рост отражает историю чистого потребления*. Отсюда не следует, что длина тела определяется исключительно чистым потреблением или что чистое потребление реализуется только через длину тела. Однако в ряду факторов, влияющих на длину тела, чистое потребление является *решающим* фактором. Из этого следует, что высокие люди, взрослые и дети, в массе своей лучше питались, имели лучший уход, меньше болели, то есть обладали более высоким биологическим статусом, чем люди с низким ростом. Из этого также следует, что повышение роста свидетельствует об улучшении биологического статуса населения, наоборот, уменьшение — о его снижении. Заметим, что эти чрезвычайно важные выводы мы делаем без прямых данных о доходах и жизненных условиях, основываясь лишь на сведениях о длине тела, которые универсальны для всех людей, для всех стран и всех исторических периодов. Например, если рост 20-летних рекрутов является результатом изменения их биологического статуса в течение предшествующей жизни, то о чем говорит, например, увеличение длины тела новобранцев с 1657 мм в 1882 году до 1660 мм в 1883-м? Рост в 1882 году являлся итоговым результатом изменения биологического статуса населения за 1863–1882 годы, а в 1883-м — за 1864–1883 годы. Но второй период отличается от первого только 1863 и 1883 годами. Для длины тела человека первый год жизни имеет во много раз большее значение, чем двадцатый. Следовательно, разница в росте новобранцев 1882 и 1883 годов призыва, равная 3 мм, в сущности, объясняется одним 1863 годом — годом рождения новобранца, призванного в 1883 году. Этот пример показывает, что данные о росте позволяют следить за динамикой биологического статуса и что рост целесообразно привязывать не к году измерения, а к *году рождения* человека. В антропометрии принято оценивать изменение роста по пятилетиям или десятилетиям.

Подчеркну, что биологический статус не является синонимом благосостояния, так как для роста безразлично, в автомобиле какой марки ездит человек, во дворце или комфортабельной квартире он живет, питается изысканной или просто хорошей пищей. Но статус в существенной степени определяется уровнем жизни, что позволяет делать выводы о динамике благосостояния народа и национальном доходе страны по изменению среднего роста ее граждан. Расчеты показывают, что средний рост людей в данной стране примерно на 67–77% определяется национальным доходом на душу населения. Благодаря этому колебания длины тела служат хорошим индикатором изменений в биологическом статусе населения, а для России XVIII–XX веков — также и достаточно надежным показателем благосостояния, поскольку россияне вплоть до настоящего времени на поддержание биологического статуса тратят более половины доходов. Продемонстрируем возможности антропометрического подхода на примере анализа данных о росте российских новобранцев в XVIII веке.

Для оценки изменений в уровне жизни используем данные о росте 57 549 новобранцев, родившихся в 1700–1799 годах и призванных на службу в 1731–1835 годы. Рекрутская повинность была введена в 1699–1705 годах, но измерения роста начались после введения ростового ценза в ноябре 1730 года. В 1730–1799 годы было проведено 50 наборов, в первой трети XIX века — 21. При наборе на всех рекрутов заводились формулярные списки. Не все они сохранились, но, поскольку

в армию брали лиц в возрасте от 16 до 35, а иногда и старше, имеющиеся сведения позволяют получить представление об изменении роста за все годы. Требования к росту и возрасту с течением времени изменялись несущественно: рост не менее 160 см, возраст 17–35 лет, что существенно облегчает сравнение данных за разные годы.

Таблица 1 показывает, как изменялся рост рекрутов в XVIII веке.

Таблица 1. Рост российских рекрутов 1700–1799 годов рождения (мм)

Годы измерения	Годы рождения	Средний рост
1731–1739	1700–1704	1647
1740–1744	1705–1709	1641
1745–1749	1710–1714	1635
1750–1754	1715–1719	1632
1755–1759	1720–1724	1626
1760–1764	1725–1729	1634
1765–1769	1730–1734	1643
1770–1774	1735–1739	1646
1775–1779	1740–1744	1649
1780–1784	1745–1749	1647
1785–1789	1750–1754	1636
1790–1794	1755–1759	1634
1795–1799	1760–1764	1635
1800–1804	1765–1769	1634
1805–1809	1770–1774	1630
1810–1814	1775–1779	1636
1815–1819	1780–1784	1622
1820–1824	1785–1789	1605
1825–1829	1790–1794	1603
1830–1834	1795–1799	1595

Источники находятся в Российском историческом архиве Военно-морского флота и Архиве военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

В 1700–1724 годы средний рост рекрутов уменьшился на 21 мм. В следующие двадцать лет, 1725–1744, рост увеличивался и в 1740–1744 годы вернулся к исходному рубежу. В последующие 55 лет уменьшение роста возобновилось, и в 1795–1799 годы длина тела была на 52 мм ниже, чем в 1700–1704 годы. Отсюда следует, что биологический статус населения в 1725–1744 годы повышался, а в 1700–1724 и 1745–1799 годы снижался. Падение биологического статуса происходило неравномерно. За 25 лет петровского царствования, 1700–1724 годы, рост рекрутов понижался по 0,84 мм в год, за 20 лет елизаветинского царствования, 1725–1744 годы, — по 0,75 мм в год, за 35 лет правления Екатерины II, 1762–1796 годы, — по 1,14 мм в год. Следовательно, наиболее интенсивно биологический статус населения понижался при Екатерине II, затем — при Петре I, в наименьшей степени — при Елизавете Петровне. Оценить его падение в павловское царствование из-за его краткости и отсутствия данных за 1800–1801 годы пока затруднительно.

Чем объяснялось понижение биологического статуса населения? Предположение о серьезном влиянии эпидемиологической среды отклоняется — с точки зрения частоты и интенсивности эпидемий, и изменения уровня смертности 1725–1744 годы, когда биологический статус повышался, не отличались в лучшую сторону от 1700–1724 и 1745–1799 годов, когда статус понижался. Отсюда следует, что понижение роста обуславливалось главным образом ухудшением потребления и, следовательно, снижением благосостояния населения, которое призывалось в армию. Сравнение длины тела рекрутов различных социальных групп показывает, в какой степени понизилось их благосостояние (см. табл. 2).

Больше всего пострадал биологический статус мещан — их рост уменьшился на 23 мм, затем удельных крестьян, принадлежавших царской фамилии, — на 21 мм, помещичьих крестьян — на 20 мм, государственных крестьян — на 19 мм, духовенства — на 16 мм, дворовых крестьян, находившихся в услужении у помещиков, — на 11 мм, экономических крестьян (бывших монастырских) — на 7 мм. Меньше всего постра-

Таблица 2. Средний рост рекрутов по сословным группам в 1700–1799 годы (мм)

	1700–1709 гг.	Место	1700–1759 гг.	Место	1760–1799 гг.	Место	Уменьшение роста, мм	
							1700–1759 гг.	1760–1799 гг.
Государственные крестьяне	1642	7	1636	4	1617	7	-6	-19
Экономические крестьяне	1643	6	1631	7	1624	3	-12	-7
Помещичьи крестьяне	1647	5	1631	8	1611	5-6	-16	-20
Удельные крестьяне	1650	4	1632	5-6	1611	5-6	-18	-21
Мещане	1650	3	1641	2	1618	6	-9	-23
Дворовые крестьяне	1652	2	1632	5-6	1621	4	-2	-11
Духовенство	1670	1	1641	1	1625	2	-29	-16
Нерусские народы Поволжья	—	—	1639	3	1633	1	—	-6

дал биологический статус нерусских народов Поволжья (татары, мордва, чуваша, башкиры; этническая принадлежность рекрутов других национальностей в источниках не определялась). В результате всех изменений к концу века самый низкий биологический статус был у помещичьих крестьян, самый высокий — у нерусских народов и духовенства. Необходимость платить высокие налоги и оброки заставляла крестьян продавать продукты, необходимые для их собственного потребления, и это существенно подрывало их биологический статус. Например, если в 1700-е годы на покрытие налогов и ренты помещичий крестьянин должен был продать 250 кг ржи, то в 1790-е годы — 289 кг. Налог с посадских (с 1775 года мещан) за столетие возрос номинально на 80%; они пострадали также и от роста цен на продукты питания, значительную часть которых им приходилось покупать на рынке. К сожалению, дворянство, служившее в армии, не измерялось: считалось, что эта процедура унижала их достоинство. Несомненно, они обладали самым высоким ростом, хотя прямых данных об

этом пока нет. Косвенно об этом свидетельствует длина тела их дворовых, которые были в ряду самых высоких среди различных категорий крестьян и на 10 мм выше помещичьих крестьян-недворовых.

Что же служило побудительным мотивом у государства для повышения налогов, а у помещиков для увеличения ренты? Годы, когда понижающая тенденция в изменении биологического статуса сменялась повышающей, весьма показательны и подсказывают нам ответ на поставленный вопрос. Прежде всего, отметим **четыре пятилетия, когда наступало кратковременное и незначительное повышение биологического статуса: 1725–1729, 1740–1744, 1760–1764, 1775–1779 годы.** На мой взгляд, в трех случаях это было связано с восшествием на престол нового императора, так как всякий раз оно сопровождалось прощением недоимок и временным ослаблением нажима на податное население. В 1775–1779 годы повышение биологического статуса можно поставить в связь с крестьянской войной 1773–1775 годов, два года бушевавшей

на огромной территории, после которой величина ренты была стабилизирована или уменьшена.

В 1700–1724 годы, когда произошло первое понижение биологического статуса населения, Россия вела тяжелую и изнурительную войну со Швецией, закончившуюся в 1721 году победой и Ништадтским миром. Тогда же Россия воевала еще и с Турцией (1710–1713) и Персией (1722–1723). Доля военных расходов в бюджете составляла от 76 до 96%. Одновременно с войнами в стране проходили серьезные политические, экономические, социальные, культурные, административные реформы. Создание регулярной армии, продолжительные войны, сооружение городов, каналов, дорог, строительство флота, заводов и преобразование управления требовали от государства, по чьей инициативе это происходило, огромных средств, которые оно получало главным образом за счет увеличения налогов, которые возросли в 2,9 раза. Натуральные государственные повинности — рекрутство, поставка лошадей и подвод для перевозки военных грузов, рубка леса для постройки кораблей, работа по сооружению дорог, крепостей, городов и т. п. — возросли в еще большей степени. К концу Северной войны народ стонал от военных тягостей, дороговизны и обнищания. Уменьшение роста рекрутов на 21 мм свидетельствует, что основания для этого были.

С окончанием военных действий и смертью Петра I наступило облегчение, биологический статус населения стал постепенно повышаться и за 20 лет превысил довоенный уровень. Новое падение уровня жизни, продолжавшееся почти 55 лет, началось в 1745–1749 годы, и оно также, особенно при Екатерине II, в значительной степени было связано с войнами. Россия вела войны со Швецией (1741–1743), с Пруссией (1757–1762), с Турцией (1768–1774, 1786–1791), с Польшей (1768–1772, 1792 и 1794–1795), со Швецией (1788–1790), с Персией (1795–1796), с Францией (1798–1799). Военные расходы в 1763–1796 годы поглощали 67% доходов государственного бюджета. Самой

трудной была война с Турцией, по финансовым затратам и людским потерям она не уступала Северной войне. Уже в 1769 году Екатерина была вынуждена обратиться к внешним займам и выпускам ассигнаций, которые расстроили денежное обращение. Наконец, новые территории, в особенности Северное Причерноморье, требовали значительных инвестиций со стороны государства в инфраструктуру, оборону, на заселение и освоение.

Вторая важная причина, побуждавшая государство увеличивать налоги, состояла в том, что верховная власть именно в годы падения биологического уровня жизни проводила структурные реформы в стране. Выше упоминалось о реформах Петра I. Реформаторство Екатерины II было не менее значительным и интенсивным. Оно также поглотило много средств. В России были созданы настоящие сословия, расширено для горожан и создано для дворян сословное самоуправление, учреждены сословные суды, коронное местное управление поставлено под контроль дворянских обществ, проведена административная реформа, поощрялось развитие промышленности, науки, литературы, образования, журналистики, книгопечатания, театра и искусства, открыты внешние рынки для российского сельского хозяйства, расширены контакты с западно-европейскими странами во всех сферах жизни, учреждены воспитательные дома для сирот.

Европеизация побуждала дворянство увеличивать свои доходы, необходимые для ведения роскошной жизни. Это стремление подогревалось выгодной экономической конъюнктурой, которая сложилась в России в результате революции цен. В 1700–1799 годы общий уровень российских цен, выраженных в серебре, повысился в 5 раз, хлебных цен — в 5,7 раза. Феноменальный рост цен не был связан ни с экономическим кризисом, ни с перенаселением. Он вызывался тем, что российские цены, бывшие в начале XVIII века приблизительно в 7 раз ниже западно-европейских, в течение столетия выравнивались с мировыми, благодаря вхождению России в европейский рынок в

качестве важного поставщика сырьевых товаров, прежде всего хлеба, пеньки, льна, пушнины, но также и железа. Подтягивание российских цен к мировым и начавшийся бурный рост российского экспорта сельскохозяйственных товаров в 1760-е годы, после провозглашения свободы хлебного экспорта (до той поры экспорт хлеба ограничивался и ставился в зависимость от уровня цен), создавали чрезвычайно благоприятную экономическую конъюнктуру, прежде всего для помещиков. В погоне за деньгами там, где это было возможно, они расширяли свои собственные посеы и увеличивали барщину для удовлетворения своей потребности в рабочей силе, а там, где расширять свое хозяйство было невыгодно, они увеличивали оброки со своих крестьян, вынуждая последних расширять посеы или заниматься неземледельческими промыслами.

Итак, XVIII век отмечен понижением уровня жизни у 98% населения России, так как доля дворянства, длина тела которого, вероятно, увеличивалась, составляла 2% населения. Возможно, и положение духовенства (1,5% от всего населения) было лучше, чем показывают наши данные о тех, кто был взят в армию, поскольку это, как правило, были лица из обедневшей части духовенства, оставшиеся без работы по своей профессии или без перспективы ее получить. Наконец, маловероятно, чтобы биологический статус малочисленного слоя предпринимателей (так называемого гильдейского купечества, чья доля в населении страны была менее 0,1%) понижался. Все привилегированные слои вместе составляли не более 3,5% населения. Следовательно, жизненный уровень остальных 96,5% жителей понизился.

Как это ни парадоксально, понижение благосостояния происходило на фоне значительного экономического прогресса и было обусловлено не экономическим кризисом, а повышением налогов и повинностей, которые ухудшили материальное положение простого народа и привели к увеличению продолжительности и интенсивности труда. Однако при Петре I тяготы войны и модернизации были более или менее равномерно распределены между всеми социальными группами. При Елизавете и в особенности при Екатерине II издержки были в большей степени переложены на плечи народа, его интересы были принесены в жертву 70 тыс. помещиков, которые присвоили результаты экономического прогресса и модернизации. Вследствие этого и благосостоянию народа был нанесен огромный ущерб — биологический статус народа за 55 лет правления двух императриц понизился в 2,6 раза сильнее, чем при Петре I. Если бы Елизавета и Екатерина сохранили 50% долю государства в прибавочной стоимости, производимой трудом помещичьих крестьян, как установил Петр I, то этих средств хватило бы и на модернизацию, и на осуществление активной внешней политики без ущерба для благосостояния народа. Однако они проявили слабость, и в конце XVIII века государство получало вместо 50% лишь 12%.

Антропометрические данные позволяют по-новому посмотреть на спорные вопросы истории XVIII века. Они подтверждают вывод тех исследователей, которые полагают, что петровская модернизация сопровождалась понижением благосостояния населения. Известный вывод П. Н. Милюкова о цене петровских реформ — «Политический рост государства опередил его экономическое развитие... Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы...»¹ — на мой взгляд, нуждается в одной, но существенной поправке — ценой разорения не страны, а большинства населения, так как после петровских реформ страна во всех отношениях стала сильнее.

Мы видели, что в 1725–1744 годы биологический статус податного населения улучшался и к 1745 году даже превысил уровень начала XVIII века. Это говорит о том, что в годы правления ближайших преемников Петра I — Екатерины I, Петра II и особенно Анны Иоанновны, а также в первые годы правления

Елизаветы Петровны произошло повышение жизненного уровня. Введение подушной подати в 1724 году, вопреки широко распространенному в литературе мнению, привело к уменьшению общего налогового бремени. В 1725 году подушная подать была понижена на 5%, в 1740 году — на 24%, в 1742–1743 годы — на 14%; власти были снисходительнее сравнительно с петровским временем при сборе недоимок, несколько раз они прощались. Большую выгоду крестьяне и посадские получили от естественного прироста, так как между 1-й (1719) и 2-й ревизиями (1744) их численность выросла на 17%, а налог собирался по числу душ, установленных по первой ревизии.

Антропометрические данные подтверждают обусловленность пугачевского восстания ухудшением материального положения крестьян и посадских, которое произошло вследствие усиления финансового нажима на них со стороны помещиков и государства. После подавления восстания реальная тяжесть ренты, прямых и косвенных государственных налогов, уплачиваемых в денежной форме, для всех категорий крестьян уменьшалась, а для мещан оставалась неизменной вплоть до конца века. Однако, несмотря на это, биологический статус продолжал снижаться. Одна из причин этого заключалась в увеличении рекрутской повинности: в 1750–1770-е годы в среднем в год в армию забирали 22 тысячи, в 1780-е годы — 45 тысяч и в 1790-е годы — 39 тысяч человек. Более важная причина понижения благосостояния состояла в снижении на 25% в 1770–1800-е годы урожайности вследствие ухудшения климата и падения плодородия пашни. Наконец, существенный рост запашки, наблюдавшийся в последней трети XVIII века и требовавший от земледельцев увеличения энергетических затрат, по всей видимости, не сопровождался соответствующим улучшением питания. Для мещанства дополнительным фактором ухудшения их положения являлся быстрый рост цен на продовольствие, обгонявший рост цен на ремесленные и промышленные товары.

В 1740-е годы российские рекруты были выше французских, имели примерно такой же рост, как и британские (1647 мм), но были ниже американских (1730), немецких (1720), австро-венгерских (1714), шведских (1685 мм). Во второй половине XVIII века повсюду в Европе рост рекрутов понижался, но в разной степени: в Австро-Венгрии — на 43 мм, в Британии — на 25 мм, в Швеции — на 20 мм; только американские солдаты сохранили свой прежний высокий рост. Поскольку в большинстве европейских стран при наборе солдат действовали ростовой и возрастной цензы, аналогичные с российскими, данные о росте рекрутов достаточно сопоставимы. Отсюда следует, что в смысле понижения биологического уровня жизни Россия шла в ногу с Европой, рядом с Австро-Венгрией, хотя причины, вызвавшие это общеевропейское явление, были различны. Британия переживала промышленную революцию, остальные западно-европейские страны к ней готовились; все испытывали экономический рост. Россия тоже экономически росла и модернизировалась во всех отношениях, но на других основаниях — она переживала апогей крепостничества, своего рода второе закрепощение. Ценой понижения биологического статуса своих граждан Россия стала великой державой в военном отношении, Британия превращалась в мастерскую мира, а другие западно-европейские страны готовились проводить промышленную революцию. За величие — военное или экономическое — пришлось заплатить высокую цену.

Как видит читатель, использование антропометрического подхода позволило получить новые и важные выводы по истории России XVIII века. Нет сомнения, что данные о росте новобранцев XIX–XX веков также прольют новый свет на спорные вопросы истории России XIX–XX веков.

Примечание

1. Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб. 1905. С. 546.